

Содержание

Лукавая хирургия	5
Великая любовь Оленьки Дьяковой	64
Артизан	116
Глаза бездонные	165
Квадратные пуговицы	207
Коробка с зефиром	225

Лукавая хирургия

В канун Пасхи 1913 года студент последнего курса Императорской Военно-медицинской академии Митя Солодов выкупил себе личного покойника.

Покойник стоил ему два целковых. Ещё полтинник Митя заплатил сторожу, чтобы тот открыл в час ночи двери анатомического театра при Академии и держал язык за зубами. И рубль запросил санитар Лавруша, который должен был подготовить тело, а после препарации убрать и вымыть стол. Деньги Митя одолжил у своего попечителя, барона Сашки Эльсена, картёжника и бонвивана, иногда снабжавшего его рублём «на водку и дамские утехы». О задумке своей Митя, само собой, Сашке не поведал,

потому как барон хоть и признавал современную медицину и поощрял учёбу в Академии, но был человеком суеверным, а по части экспериментов с трупами так и вообще дремучим. В память о Митином отце, которого Сашка знал и любил, подопечному ещё перепал золотой портсигар, который Митя намеревался продать и расплатиться с долгами, тянувшимися с Рождества.

В день, на который выпал сговор о тайной препарации, Митя проснулся засветло. Наскоро одевшись и глотнув кипятка с ложкой мёда вместо чая, он вышел к Литейному мосту и долго стоял, глядя на чёрную спину воды. Митина любовь — огромная, болезненная, иссушившая его всего, выпотрошившая сердце до состояния мятой поломойной тряпичицы, — закончилась полным разрывом и полным же опустошением души. Её звали Елена, она была старше Мити на четыре года и уже успела стать дважды вдовой, впрочем, весёлой, не особо убивающейся по кончинам своих благоверных. Митю она выкушала полностью и бросила ради модного поэта Чеснокова. В общем-то, обыкновенная история, о банальнейшем конце которой его предупреждали все студенческие друзья.

Митя никак не мог понять, чем таким взял её Чесноков: не богат особо, странной внешности, то-

щий и сутулый... По Елениному вкусу, раньше предпочитавшей офицерскую статью и совсем не разбиравшейся в поэзии, — так вообще блаженный. А талантлив или нет — кто там разберёт. И глаза у него — водянисто-голубые, почти прозрачные. У Мити с самого детства с голубоглазыми не ладилось: они несли либо лихую беду, либо немалые хлопоты. Он даже торговцев таких стороной обходил, хоть и не был мистиком. А Елена вот влюбилась в глаза Чеснокова — призналась потом Мите, что «тонет в них». Тонет!

Стоя у ограды на набережной Невы, Митя с горечью вспоминал ветреную Елену, но больше мучился осознанием того, что он, будущий врач, так преступно халатно отнёсся к учёбе последнего курса, пропуская самые важные практические занятия. Накануне ему несколько раз снились несуществующие пациенты, бледные, с кровоточащими пятнами на белых длинных рубахах. Они тянули к Мите толстые жилистые руки и упрекали в том, что он неправильно сделал секции. Митя просыпался в горячем поту, давясь собственным каркающим вскриком, и долго не мог прийти в себя. Совесть, о которой любил поддемагогствовать Сашка, последние две недели клевала его темя, как птенец скорлупу, и Митя почувствовал облегчение, только когда при-

нял решение натренировать руку самым естественным для медика образом — а именно, на настоящем человеческом теле.

О Митином плане, помимо сторожа академички и санитаря, знали ещё двое: прохиндей Потапов, продавший труп из ночлежки на Лиговке, и другоднокурсник Жан — он же Ваня — Белкин. Во время «операции» Ване предстояла ответственная роль: задиктовывать нужное из учебника Пирогова, а сам Митя должен был «виртуозить за роялем», как любил шутить про анатомичку профессор Крупцев.

Услышав за спиной шаги, Митя обернулся. Рядом выросла фигура городского.

— Уж не надумали ли в воду кинуться, сударь?

Митя надвинул фуражку на самые брови, запахнул тёмно-зелёный форменный сюртук и направился прочь с набережной. До начала занятий в Академии оставалось два часа.

* * *

Профессор Крупцев всегда заканчивал лекции одной и той же фразой, с одинаковой баюкающей интонацией густого велюрового голоса, подавая каждое слово, как тягучую настойку в мелкой рюмочке:

— Ну что, друзья мои, надежда мировой медицины, ступайте усваивать полученные знания, и да будет у вас хорошее пищеварение!

«Друзья его» и «надежда мировой медицины» на этот раз были студентами последнего курса Академии, без малого дипломированные хирурги. Близился конец весеннего семестра, до выпускных экзаменов оставалось совсем чуть-чуть.

Митя спустился с последнего ряда амфитеатра к кафедре, не смея поднять глаза на профессора.

— Мо-ло-дой че-ло-век, — протянул Крупцев, вынимая из кармана пюсового жилета пенсне и сосредоточенно протирая его замшевым платочком. — Вы же, как мне объясняли коллеги, надежды определённые подаёте. Только что-то на моей дисциплине всё доподать не можете. А ведь вы, если не ошибаюсь, стипендиат? Как говаривали в былые годы, казённокоштный? Так ведь, сударь мой?

Митя кивнул.

— Что же получается, Академия платит за вас, а вы, господин Солодов, прогуливать изволите?

Митя стоял, всё ещё не смея поднять глаза на профессора, и осторожно нащупывал большим пальцем правой ноги выступивший в старом ботинке гвоздь. В последний месяц он много пропустил,

и в большинстве своём это были лекции Крупцева по патологической хирургии.

Пока профессор говорил, Митя невольно вспоминал свою едкую любовь, и ему виделось огромное, анатомически аномальное лёгкое, дырчатое, которое несёт на флагштоке маленький карлик, а сквозь отверстия в нём сочится бледный дневной свет. И Митя закашлял, прижал ладонь к рёбрам, со свистом втянул воздух. Именно так, когда физически не хватает кислорода, а внутри рыщет сиповатый ветер, он и ощущал себя сейчас.

— Курите, небось? — Крупцев стрельнул в него острым взглядом через пенсне. — Напрасно. Какой из вас медик? Себе помочь и то не можете...

Митя закивал, как болванчик, а Крупцев снова затянул долгую неспешную речь, из смыслового потока которой Митя тут же выпал, уткнувшись собственными воспоминаниями, и вернулся в академический зал со своих облаков, только когда услышал:

— ...и подготовим документы к отчислению.

— Пётр Архипович... — Кровь ударила Мите в лицо. — Я... Я наверстаю...

— Возможно, молодой человек. Но, стало быть, уже не на моём курсе.